

УДК 32.001

Институциональная трансформация в политическом пространстве региона¹

Э. Д. Дагбаев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
e-mail: edagbaev@mail.ru

В данной статье выявляются особенности институционального дизайна (соотношения и взаимодействия политических институтов) политических процессов ряда субъектов федерации, территориально объединенных Байкальской Азией, в 1990-е – первой половине 2000-х гг., и тех факторов, которые влияют на институциональное строительство и практику политического поведения.

Ключевые слова: институциональный дизайн, региональные политические процессы, политические акторы, факторы институционального строительства, этнические политические традиции.

В названии конференции заданы в виде ключевых параметры, касающиеся политической консолидации Байкальской Сибири. С позиций данного исследования речь идет об институциональной трансформации в политическом пространстве региона. В нашем исследовании мы предполагаем, что политические институты российских регионов Прибайкалья (это в географическом смысле, в политико-географическом возможно применение термина «Байкальская Сибирь») на рубеже веков подверглись радикальной трансформации. Эта трансформация связана как с установлением политической демократии, так и с реставрацией новых форм авторитарного правления на новой институциональной основе. Анализируя политические процессы в регионе, мы обнаруживаем, что институциональный дизайн (т. е. соотношение политических институтов и институциональное взаимодействие акторов) субъектов федерации в Байкальской Сибири образует некое политико-институциональное сходство, с общими чертами, связанные с отношениями и взаимодействиями политических институтов. Речь идет об органах региональной государственной власти, партиях, различных группах интересов и лоббистов, когда новые демократические институты адаптированы под авторитарную практику наиболее влиятельных территориальных политических элит и политико-экономических групп. В этом заключаются специфические

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, научно-исследовательский проект «Институциональный дизайн политических процессов в Прибайкалье», проект № 06-04-62403 а/т.

особенности институционального дизайна Прибайкалья. Именно подобный институциональный дизайн выступает катализатором процессов согласования интересов и конфликтов между группами, в рамках которого происходит перераспределение власти.

В то же время существуют некие различия в институциональных взаимодействиях. Эти различия, на наш взгляд, обусловлены теми же факторами, что и сходство. Иначе говоря, уровнем социально-экономического развития, структурой элит, обусловленных территориальными и этническими различиями. Так, в качестве принципиального фактора, влияющего на различие институционального дизайна, мы выделяем так называемый фактор этнических политических традиций. Особенностью такого институционального дизайна является его относительная устойчивость, которая может эволюционировать при воздействии именно этого фактора. Эти целостность и устойчивость обусловлены тем, что институциональный дизайн регионов Байкальской Азии имеет в своей основе длительные этнические традиции.

Решение такой проблемы возможно при использовании сравнительно-институционального метода, предполагающего анализ распространения определенной институциональной (политических норм, правил и практик) характеристики и ее различий для множества регионов. Институциональная трансформация означает, как местная среда определенным образом «переваривает» инновацию, создавая что-то принципиально новое, но не воспроизводя ее полностью.

Существует несколько методик, разработанных современными российскими исследователями, для выявления закономерностей и динамики политического развития регионов применительно к трансформациям региональной политической системы и режимов. Из теоретически проработанных моделей региональных переходов к постсоветским системам выделим труд В. Гельмана и его соавторов [8]. Синтезируя структурный и процедурный подходы, они обосновывают два основных параметра траектории развития регионов: 1) так называемое «советское наследие», т. е. исторически сложившаяся система управления позднесоветского времени в зависимости от социально-экономической структуры региона; 2) характер перехода, т. е. взаимодействие акторов и институтов в соответствии с ресурсами и стратегиями. Как показало исследование данных авторов, к лету 1999 г. из шести описанных случаев три продемонстрировали заверченный вариант выхода из неопределенности: «авторитарная ситуация» (Саратовская область), гибридный режим (Рязанская область) и «демократическая ситуация» (Волгоградская область). Другие три региона обладали всеми признаками неопределенности перехода (Ульяновская, Тверская, Нижегородская области).

Среди других методик выделяется анализ региональных процессов с социологических позиций: логики складывания корпоративных моделей властвования, в частности, союза бюрократии и бизнес-групп [1, с. 9].

Современный этап политического развития еще более усилил создание моноцентрических режимов с доминирующим актором, с преобладанием неформальных институтов и стратегий. Несущей конструкцией региональных

политических систем становятся «партии власти» и круг крупных бизнесменов, имеющих региональное или «транснациональное» происхождение [5]. В целом, несмотря на унификаторские тенденции, институциональное разнообразие институтов власти регионов все еще остается незабываемым.

Институциональный дизайн российских регионов получил более-менее подробное описание. В большинстве своем по дизайну формальных институтов региональные парламенты имеют гораздо более слабые полномочия, нежели исполнительные органы, а политико-институциональное преимущество главы региона, чаще всего являющегося одновременно и главой исполнительной власти, совершенно очевидно [4]. Однако в этой типологии, на наш взгляд, за скобками остаются институциональные системы некоторых национальных автономий. Как мы предполагаем, при анализе базовых политических процессов регионов, одной из важнейших составляющих которых является институциональное строительство (разделение властей, тип режима, взаимоотношения и взаимовлияние федеральных, региональных и местных уровней власти), не находит должного отражения такой фактор, влияющий на институциональную систему национальных автономий, как национальные политические традиции. Они имеют различные проявления, в частности в практиках институциональных механизмов согласования интересов основных политических акторов и способах разрешения конфликтов. Именно этот институциональный фактор придает своеобразие политическим системам национальных регионов и способен в конечном итоге повлиять на действия региональных властей в обеспечении социально-экономической самодостаточности этих регионов.

Исходя из этих соображений, мы считаем, что компонентом регионального политического процесса в сфере институционального строительства являются национальные политические традиции, отмеченные в отечественной политической науке как «культурно-историческое пространство и архетипы политической жизни региона» и «социокультурная традиция регионов» [2, с. 135]. Чем выше удельный вес титульного этноса и этнической элиты в региональном сообществе, тем сильнее фактор национальных традиций. Именно ряд традиционных политико-институциональных механизмов имеет проявления в формальных и неформальных институтах власти, во взаимодействиях основных политических акторов. Таким образом, именно социокультурные традиции регионов в значительной мере влияют на политический процесс в этом регионе.

Территориальные объекты были выбраны по принципу подобия, обладая общим признаком – они являются регионами, расположенными вокруг уникального природного явления – озера Байкал. Это Усть-Ордынский и Агинский Бурятские автономные округа, Республика Бурятия и Иркутская область. Кроме того, все в большей или меньшей степени сопричастны к так называемой общемонгольской национальной политической традиции. Разумеется, к Иркутской области это относится в наименьшей степени. Кроме того, названные субъекты РФ (автономные округа практически являлись таковыми до конца 2007 г.), опять-таки за исключением Иркутской области, и

Республика Бурятия представляют собой регионы преимущественно аграрной направленности с относительно небольшой долей промышленности сырьевой и горнодобывающей направленности в экономике. Разумеется, наряду с ними представлены и другие отрасли хозяйства, в том числе и машиностроительная, однако доля последних в структуре экономики довольно низка. Другое сходство заключается в социальной структуре населения, и, прежде всего, этносоциальной.

Разумеется, мы не претендуем на то, чтобы считать данное исследование классическим сравнительным исследованием. Наша задача заключалась в том, чтобы на основе использования конфигуративных методов выявить, действительно ли такой фактор, как национальные политические традиции, оказывает влияние на политические процессы на этих территориях. Это становится возможным при помощи институционального анализа, включающего в себя анализ нормативных документов, и экспертного опроса (мы опросили по пятнадцать ведущих обществоведов) во всех названных территориальных объектах.

Соответственно к политическим традициям мы относим те традиции, которые функционируют в сфере осуществления публичной власти. С одной стороны, говорить о длительных и устойчивых традициях в политической сфере монгольских народов достаточно проблематично, поскольку во всех территориальных объектах, не исключая и Республику Монголия, отсутствует длительный непрерывающийся опыт самостоятельного государственного суверенитета. С другой стороны, монголы, как и буряты, являющиеся в этническом и культурном отношении родственным этносом, прошли длительную историческую эволюцию в своем развитии, и, несмотря на сменяющиеся различные по форме и характеру политические институты, выработали политические установления и нормы поведения. Для монгольской политической идентичности имеют значение такие важные исторические фазы развития, как империя Чингисхана в XII–XIII вв., период владычества Цинской империи на монгольских землях («китайская» Монголия), фаза развития в условиях политического и идеологического доминирования СССР в 1921–1990 гг. («Советская Монголия») и нынешняя постсоветская, демократическая Монголия [6, с. 731].

Для современных бурятских автономий политическое наследие в постчингисхановский период составляет существование в условиях Российской империи, в рамках которого и произошло становление бурятской идентичности, и советский период, когда бурятам была предоставлена автономия. Применительно к политике традиционные ценности представляют собой традиции централизованной власти с институтом наместничества на территориях, с наличием безусловного лидера и относительно равномерным распределением власти. Для кочевых народов традиционным является уважение к государству и почтительное отношение к его носителям.

Безусловно, наиболее сильной традицией является прагматизм, свободный от идеологических наслоений. Доминирующим механизмом согласования интересов и разрешения конфликтов являются неформальные институты в виде негласных сделок между территориальными политическими элитами.

Самая характерная черта институционального строительства постсоветского периода – безусловное доминирование одного актора – главы региона, представляющего исполнительную власть. Агинский и Усть-Ордынский Бурятские округа, как и в большинстве регионов, имеют слабые полномочия парламентов [4, с. 145–147]. Республика Бурятия относится к шести республикам, где юридически преобладают полномочия парламентов по сравнению с президентом [3, с. 138–142]. Последнее утверждение далеко бесспорно, но бесспорно другое: все эксперты посчитали, что доминирование президента – председателя Правительства Республики Бурятии в политическом пространстве региона абсолютно. Институциональное преимущество губернатора Иркутской области в сравнении с Законодательным собранием тоже очевидно. Общее направление неоригинально – главы регионов стремились создать такую институциональную модель, которая позволяла бы им контролировать все процессы, происходящие в их регионах.

Однако, в отличие от других субъектов федерации, в национальных республиках и округах (отличающихся высокой долей титульного населения) советы не были распущены после октября 1993 г. И это обстоятельство, в общем-то, способствовало более широкому выбору соответствующего институционального устройства в 1993–1997 гг. на основе согласований между всеми основными акторами, представленных, по традиции, территориально-отраслевыми группами.

Тем не менее, почти все основные акторы согласились с тем, чтобы высшие должностные лица возглавили исполнительную власть на своих территориях и получили преимущественные полномочия. Исходили они при этом из прагматических соображений централизации власти. Показателен пример Республики Бурятия.

Если фигура А. Батагаева в УОБАО до поры до времени, пока не проявились различия интересов, была фактически единственной среди основных претендентов, то ситуация в АБАО была совершенно иной. Действующий в тот период глава администрации АБАО Г. Цэдашиев, будучи представителем центрального района округа – Агинского, не обладал реальной властью, что было связано с развалом хозяйственной структуры округа и отсутствием необходимых ресурсов. В результате он не смог подтвердить свой высокий статус на выборах в Совет Федерации. В этом случае в условиях отсутствия налаженного формально институционального механизма и даже фактического вакуума власти за основу были приняты неформальные механизмы их формирования. Основу политического развития округа стало определять противостояние корпоративных групп. Номинально основным для выделения данных групп послужил территориальный принцип формирования АБАО. Примерно равная численность населения двух районов округа позволяет выделить среди более сильных групп Агинский и Могоутуйский районы, представители третьего – Дульдургинского района – проигрывали по числу жителей, но они также были включены в борьбу. При относительно незначительном перевесе исполнительной власти в окружной Думе представители проигравших групп продавливали необходимую для них кандидатуру на пост спикера.

Так, преобладание или завоевание того или иного поста для представителей той или иной группы означало относительную и лишь временную победу.

Институционализованные «правила игры» должны были быть выражены в Уставах округов. В условиях переходного периода глава УОБАО сумел пробить свой проект устава, в котором значительным образом были расширены права главы администрации УОБАО. В АБАО же ни одна из оформившихся в этот период территориально-родственных групп не могла представить кандидата, который бы устраивал все политические силы округа. В ожесточенной борьбе представителей этих групп, которая, на первый взгляд, не была видна, выработать проект нового Устава округа удалось не сразу.

Явным подтверждением данного факта становится ситуация политического коллапса, в который был втянут АБАО в результате несогласованности территориальных интересов. Ситуация должна была разрешиться через выборы в виде системы абсолютного мажоритарного голосования, которое гарантировало бы победу кандидату на данный пост только в том случае, если он заручится поддержкой, по крайней мере, двух из трех районов АБАО. На первых выборах в 1996 г. на пост главы администрации не смог победить ни один из кандидатов (Б. Аюшиев, Ю. Дондоков), в результате впоследствии была внесена поправка в Закон «О выборах главы администрации Агинского Бурятского автономного округа» о том, что избранным признается кандидат, получивший в ходе выборов наибольшее число голосов, но не менее 25 % голосов от числа граждан, принявших участие в голосовании. В дальнейшем в упорной борьбе Б. Жамсуеву не без помощи федеральных структур удалось выиграть выборы на пост главы администрации.

В УОБАО постепенно стали проявляться линии конфликтов, которые не были заметны в первоначальный период. Прежде всего, линии: «глава администрации – законодательный орган», «глава администрации – политические партии», «глава администрации – депутаты Госдумы и Совета Федерации», «глава администрации – руководители крупных хозяйств». Преимущественное положение главы администрации стало таять на глазах, поскольку он проигнорировал поиск механизмов согласования институциональных конфликтов с другими акторами. Особенно значимым становится влияние так называемых «москвичей» на региональную политику, обозначившим свои интересы в связи с оформлением УОБАО как самостоятельного субъекта федерации. Единой антикризисной команды так и не получилось.

К ноябрьским выборам 1996 г. ситуация в округе еще более усугубилась. Ранее на основе договоренностей с федеральным центром была разработана программа поддержки сельского хозяйства, были выделены несколько траншей. Однако к моменту проведения выборов регион получил лишь 55 % от ранее запланированной суммы. Не лучше была обстановка и в сфере промышленности, капитальном строительстве. Объем капитальных вложений снизился на 39 %, значительно возросла задолженность округа федеральному бюджету.

Тогдашний глава администрации так и не предложил конструктивных социально-экономических мер по выходу из затяжного кризиса, которые могли бы консолидировать политическую элиту УОБАО.

Перед Б. Жамсуевым в АБАО встала задача минимизации конфликтных линий, а значит, поиска институциональных механизмов, способных их решать. В Устав округа были внесены изменения. В результате значительным образом расширились институционально-политические возможности Главы администрации. В частности, в период 1996–1999 гг. был внесен ряд поправок в Устав АБАО, на основе которых были вновь сформированы все ветви и уровни государственной и муниципальной власти. Система органов местного самоуправления на уровне районов была реорганизована и преобразована, по существу, в вертикаль государственной исполнительной власти, включающую районное звено; соответственно, был укреплен сельский и поселенческий уровень местной власти. Главы районов были назначены заместителями главы округа, и, соответственно, с полномочиями и ответственностью за положение дел на местах.

Опорой президента в Республике Бурятия становятся лидеры районов, ставшие впоследствии главами местного самоуправления, которые определяли результаты выборов с использованием административного ресурса. В результате сложился пропрезидентский альянс в парламенте, куда вошли руководители бюджетных организаций, промышленных предприятий и аграрных хозяйств. Окончательно и бесповоротно контроль над руководством муниципального самоуправления был закреплен после перевыборов глав в 1995–1996 гг.

В итоге, несмотря на первоначальную оппозиционность парламента, благодаря имеющимся рычагам давления ситуация коренным образом изменится уже к 1995 г.

В 1995 г., после того, как Союз промышленников и предпринимателей, воспользовавшись выгодами коалиционного соглашения, образовал парламентскую группу «Содружество» (для создания которой была делегированы часть депутатов «Социальной справедливости»), позиции президента и его фракции еще более укрепились. В то время как дальнейшее развитие группы В. Саганова сменилось ее упадком и развалом.

Выборы 1998 г. прошли при полном доминировании пропрезидентского блока «Гражданское согласие», президент был переизбран еще в первом туре.

На наш взгляд, выбор партийно-парламентской системы в Монголии не объясняется стремлением к классической западной демократии, а объясняется прагматическими соображениями. Это мнение подтверждается опросом экспертов – ведущих обществоведов Монголии из Монгольского государственного университета, Института философии и социологии, Института истории Монгольской академии наук. Одна из причин выбора парламентской системы – геополитический фактор. Дело в том, что выбор независимого развития монголов диктовал им необходимость минимизировать влияние двух крупнейших держав, на стыке которых располагается страна, – Китая и России. Политическая система во главе с президентом оставляла высокую возможность влияния на человека, который обладает колоссальными возможностями определения внутренней и внешней политики.

Вторая причина непосредственно связана с теми национальными традициями осуществления власти, о которых мы говорили. Политические элиты страны структурируются не только по идейному принципу (это в незначительной степени), но и по экономическому (бизнес-группы), территориальному (выходцы из одних аймаков) и отчасти этническому (например, большинство выходцев из аймака Увс являются этническими дэрбэтами, к которым, кстати, относился и многолетний генсек ЦК МНРП Ю. Цеденбал). К моменту крушения социалистического устройства в Монголии не было безусловного лидера. Поэтому элитам было выгодно сегментарное распределение власти, распыление ее по партиям. Президент по своим полномочиям, скорее, – представительская и номинальная фигура, влияющая на властные решения, но не контролирующая элиты. Из его реальных полномочий можно выделить обнародование законов и возможность распустить парламент, но для этого ему нужно заручиться поддержкой реального лидера партии, обладающего большинством голосов в парламенте.

Для создания принципиально новой экономической структуры помимо обращения к опыту России и Китая упор был сделан на «третьей силе» в лице Запада, под которым понимается группа ведущих стран – США, Япония, Южная Корея, с которыми Монголия начала активное политическое и экономическое сближение и сотрудничество [7, с. 746–747]. Соответственно, монголам приходилось приспосабливаться под требования многопартийности, принимать «правила игры» с классическими западными названиями партий. Уже три созыва партийные парламентские фракции создают коалиционное правительство.

Тем не менее, в этом мы видим больше сходного, нежели различного в сравнении с российскими регионами с общемонгольской политической культурой – прагматизм в сочетании с принципом сегментарного распределения власти.

Однако и в том, и другом случае долгое время электоральным преимуществом владели левые партии. В Монголии парламентское большинство, за исключением только одного электорального цикла, принадлежит МНРП – бывшей коммунистической партии, правда, сегодня принципиально отошедшей от коммунистической идеологии. Это объясняется социально-экономическими причинами, поскольку во всех этих объектах было высоко ожидание государственной поддержки.

Также довольно неоднозначно мы можем оценивать деятельность «партий власти». НДР, созданный при Г. Цэдашиеве, так и не стал реальной «партией власти», ситуация несколько изменилась с приходом к власти Б. Жамсуева, однако реальным механизмом эта политическая партия также не стала. Другое дело, что Б. Жамсуеву удалось консолидировать элиту региона на внепартийной основе, выдвинув программу социально-экономических преобразований и введя в состав окружного исполнительного органа глав районов. Позднее консолидированная элита в большинстве своем вошла в состав «Единой России», которая рассматривалась населением не партией, а политическим механизмом контроля над государственной властью.

В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе среди депутатов окружной Думы тоже немало было представителей и АПР, и КПРФ, «партия власти» также не обладала абсолютным большинством. Так, получив оппозицию в лице собственного парламента и, соответственно, партий левого толка, А. Батагаев практически был лишен рычагов, позволяющих консолидировать политическую элиту округа.

В большинстве субъектов РФ проблема перехода к смешанной избирательной системе вызывала большое число нареканий, однако в АБАО она не была столь остро воспринята в среде парламентариев. Как мы думаем, это было связано в первую очередь с очевидной консолидацией основных политических акторов. Хотелось бы также отметить, что принципиального согласия с данной схемой распределения одномандатных округов удалось добиться также благодаря тому, что 5 депутатов окружной Думы третьего созыва прошли в состав вновь избранной думы по партийным спискам партии «Единая Россия».

Перед выборами 2005 г. в окружную Думу было зарегистрировано 10 отделений партий, активное участие принимали отделения только трех политических партий – КПРФ, ЛДПР и «Единой России», и все они не составляли оппозицию главе округа. Основную интригу выборов 2005 г. в АБАО создавал вопрос: насколько высок будет процент голосов, отданных за «партию власти».

Президент Республики Бурятия Л. Потапов не выходил из состава КПРФ, лишь приостановив на время президентства членство в партии. Однако в правительстве его первый заместитель всегда возглавлял местное отделение «партии власти». В решающие моменты политического противостояния в стране Л. Потапову приходилось делать выбор в пользу действующего Президента России. Такой прагматизм постепенно способствовал тому, что республика достаточно резко на рубеже 2000-х гг. отошла от «красного пояса», несмотря на наличие устойчивого левого электората в пределах 13–17 %. Представители политической элиты, за исключением костяка КПРФ, распределены по «партиям власти» и их союзников явно не по идеологическому признаку, а по неформальным соглашениям. Переходы из одной партии в другие в этой среде также нередки.

В Монголии на первых выборах в ВГХ в 1992 г. победу одержала МНРП, получившая из 76 мест парламента 70 %, а оппозиционная ей демократическая коалиция – только 4 %. На следующих выборах 1996 г. уже победили демократические партии, сформировав свое правительство. Очередные выборы показали разочарование избирателей в демократическом правительстве: МНРП сумела сформировать однопартийное правительство. После выборов 2004 г., несмотря на новую победу МНРП, было сформировано коалиционное правительство. Выборы 2008 г., как известно, закончились серьезным политическим кризисом. Проигравшие демократические партии не согласились с итогами выборов, посчитав их фальсифицированными в пользу МНРП. Лидер Республиканской партии Жаргалсайхан долгое время упорствовал в парламенте, не давая возможности сформировать правительство. По закону легитимность парламента наступает только в том случае, если он при-

знан всеми депутатами. Примечателен факт разрешения конфликтной ситуации. Очевидно, что стороны неформальным образом согласились «сохранить лицо» всех его участников.

То, что мы называем национальными политическими традициями, действует, как видим, в той или иной, но, безусловно, разной степени. Вынеся за скобки Монголию, можем констатировать, что в наибольшей мере это присуще Агинскому Бурятскому автономному округу, в меньшей степени – Усть-Ордынскому. Если сравнить результаты их социально-экономического развития за пятнадцать лет самостоятельного существования, то нетрудно заметить различия. Власть, учитывающая традиционные элементы распределения власти, становится в условиях переходного периода более дееспособной. В принципе, она позволяет адаптироваться к сложнейшим процессам, связанным с переходом к рыночной экономике.

К моменту объединения Агинский округ с населением в 73 тыс. человек имел расходы бюджета в размере 3,1 млрд руб., или 42 тыс. руб. на душу населения. Читинская область (без округа) с населением 1,7 млн человек имела расходную часть бюджета 15,5 млрд руб., или 15 тыс. руб. на душу населения. Доля дотаций в бюджете в АБАО – 24 %, а в бюджете Читинской области – 42 %. Уровень бедности в АБАО достиг 32 %. Получается, что АБАО в экономическом отношении мощнее Читинской области в 2,8 раза. В Усть-Ордынском Бурятском округе уровень бедности был 81 % против 27 % Иркутской области; округ обеспечивался из своих доходов лишь на 14 %.

В настоящее время в число общероссийских мер по противодействию глобальному финансовому кризису, как известно, включен пакет поправок в Бюджетный кодекс, позволяющий вносить изменения в бюджеты субъектов федерации без принятия поправок в законы о бюджете. В Бурятии это обернется резким усилением исполнительной власти и влияния ее главы В. Наговицына. Начался поиск и позитивных экономических изменений, которые возможны как обратная сторона кризиса.

Мы видим, что обеспечение относительно динамичного роста экономического потенциала коррелируется с политико-институциональной системой, сконструированной с учетом национальных политических традиций. Это говорит о том, что размер субъекта федерации не связан напрямую с возможностями обеспечения населения достойным уровнем жизни.

Исследование показывает существование элементов национальных политических традиций в институциональном дизайне российских регионов с общемонгольской культурой. Сравнение с Монголией говорит больше в пользу общности используемых элитами способов и методов институциональных решений. Во всех случаях это находит свое проявление в стремлении к централизации власти с институализацией доминирующего актора, но таким, при котором основным политическим акторам достается своя «доля» власти. Конфликты предпочитают разрешать неформальным способом, путем соглашений.

Путь полной монополизации власти, с игнорированием доминирующим актором интересов других акторов, является в этих территориальных объек-

тах бесперспективным. Сценарий политических процессов по типу «победитель получает все» неприемлем.

Несомненной чертой национальной традиции является уважение к государственности и лидерам как носителям этой самой государственной власти, что также служит стабилизации политической власти. Прагматическая сторона в осуществлении власти является основой устойчивого развития исследуемых российских регионов и Монголии. Как образно выразился один из экспертов, для монгольских народов имеет смысл бороться за нацию-государство, а не за идею.

Литература

1. *Афанасьев М. Н.* От вольных орд до ханской ставки // Pro et contra. – М., 1998. – Т. 3, № 3.
2. *Дахин А. В.* Проблема региональной стратификации в современной России / А. В. Дахин, Н. П. Распопов // Полис. – 1998. – № 4.
3. *Конonenко П. Б.* Политические факторы конституционного строительства в республиках Российской Федерации // Полис. – М., 2003. – С. 138–142.
4. *Кузьмин А. С.* Региональные политические системы в постсоветской России: опыт типологизации / А. С. Кузьмин, Н. Дж. Мелвин, В. Д. Нечаев // Полис. – М., 2002. – № 3. – С. 145–147.
5. *Кынев А. В.* Переход к смешанным выборам в регионах: «принудительная трансформация» // Полис. – М., 2004. – № 2.
6. *Лузянин С. Г.* Эволюция политической системы и политической культуры Монголии // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
7. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
8. Россия регионов: трансформация политических режимов / под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М., 2000. – С. 342–346.

Institutional Transformation in the Political Space of the Region

E. D. Dagbaev

This article is devoted to the problem of institutional design of the political processes of some federative subjects, which are united of the same territory – Baikal Asia. This processes include the period of 1990 and the first part of 2000, and which influence the institutional building and practice of political behavior.

Key words: institutional design, regional political processes, political actors, factors of the institutional building, ethnic and political traditions.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета, e-mail: edagbaev@mail.ru